

Черты соціальной эволюціи совѣтской деревни

В довоенной русской жизни был парадокс совершенно особого свойства. Россія была и, несмотря на происшедшую огромную индустриализацію, все-таки осталась страной земледѣльцев. Казалось бы, в странѣ, которой благосостояніе в огромной степени зависит от земледѣлія, а расцвѣт послѣдняго от числа, характера и качества хозяйствующих суб'ектов, ея общественному сознанию никоим образом не может быть чужд тип, идеал хорошо хозяйствующаго земледѣльца, старательнаго крестьянина, «хозяйственнаго мужика». А этого и не было. Он нигдѣ не находил себѣ пріема, встрѣчал всюду идеологическую враждебность.

Ему не было мѣста в соціальной и моральной философіи православной церкви, устремлявшейся к монашескому идеалу, к неземному міру, к тѣм, кто, подобно птицам небесным, не съѣт, не стяжает. Хозяйственный же мужик хотѣл больше съѣть, больше жать, больше собирать в закрома. К одобренію хозяйственнаго мужика была мало склонна и русская литература. Вслѣд за церковью, она клонилась гораздо больше к толстовскому «дядѣ Акиму», к Марю Достоевскаго, чѣм к старательному мужику; в нем она усматривала проекцію деревенскаго Колупаева-Разуваева. Старательный мужик, конечно, не мог найти себѣ теплаго пріема и в народнических идеологіях. Для них был дорог взгляд стараго крестьянства: земля ничья. Для них была священна уравнительность. На фонѣ «ничьей» земли они хотѣли построить «соціализацію земли», уравнительное общинное землепользованіе, идею постоянного передѣла земли с цѣлью ровнять уклады крестьянской жизни. Хозяйственный мужик не влѣзал, а вылѣзал из этой схемы. Он на много вершков поднимался над уравнительным ранжиром. Кромѣ того, в глубинѣ души он не совсѣм вѣрил, что полезно, чтобы земля была ничьей, общей, чтобы между «моим» и «нашим» не было никакого различія. Он готов был тянуть из себя жилы, но знать, вѣрить: «То, что накоплено, — мое. Мое не ваше. Хлѣб

мой, лошадь моя, корова моя, баба — моя, тут я весь со всеми моими потрохами: тут и радость, и горе мое».

Что касается русского марксизма, то он просто уже ненавидѣл старательнаго мужика, хотя словесно, в ученых книжках, признавал «прогрессивное значеніе дифференціаціи внутри крестьянства». В хозяйственном мужикѣ он видѣл предтечу, инкубатор, социальную среду, механикой товарных отношеній порождающую кулака. А кулаки, по Ленину — «кровопійцы, вампиры, грабители народа, самые звѣрскіе, самые грубые, самые дикіе эксплуататоры». Между хозяйственным «средним» мужиком и кулаком — существенной и принципиальной разницы русской марксизм не устанавливал. «Старательный» крестьянин-средняк — писал тот же Ленин, — это «земледѣлец, довольно *часто* прибѣгающій к найму рабочей силы и имѣющій нѣкоторые излишки, способные превратиться в капитал». Надавить слегка на кнопку знаменитаго закона діалектики, превращенія количества в качество, и из старательнаго мужика вылетит «вампир кулак».

Специфическій колорит русских идеологій, не с вѣтра взявшихся, а глубоко коренившихся в русской жизни, замѣтно сказался в свое время на характерѣ критики законов Столыпина о выходѣ из общины и, разумеется, с гигантской силою на всем протяжении октябрьской и послѣоктябрьской революціи. Борьбу с кулаком и из'ятіе излишков в деревнѣ Ленин, придя к власти, очень скоро сдѣлал центральной проблемой революціи. Не только потому, что городам нужно было продовольствіе. В лицѣ кулаков он хотѣл разрушить послѣднюю, еще не разрушенную цитадель капитализма. «Бой против кулаков мы называем *последним рѣшительным боем*. Смерть им». Извлеченіе у кулаков (и, конечно, у всѣх старательных крестьян) излишков хлѣба есть — «настоящій бой за социализм, не за догму, не за программу, не за партію, не за фракцію, а за *социализм живой*, за распредѣленіе хлѣба». Идея о таком «живом социализмѣ» вѣками жила в странѣ. Ее раздѣляли Стенька Разин, Пугачев, Бакунин, Лев Толстой, всѣх не перечестъ. Организованные в 1918 г., по замыслу Ленина, комитеты деревенской бѣдности должны были быть инструментом этого живого социализма. А эти комитеты, вооруженные пролетарским государством, в их борьбѣ за уравнительность, против излишков, не дѣлали никаких тонких теоретических различій между середняком, старательным мужиком, хозяйственным кре-

стьянином и кулаком. Бей всѣх; на том свѣтѣ Аллах различит правовѣрных! В нѣкоторых районах Тамбовской губерніи уравнители заставляли обитателей деревни выносить на улицу пред избами весь их скарб: ложки, плошки, ухваты, чугуны, тюфяки, валенки, посуду. На глазок опредѣлялись излишки сверх уравнительной линіи. Владѣльцев излишков, как людей, несправедливо стяжавших, как кулаков и подкулачников, ставили «к стѣнкѣ», а скарб их и скот пускали в дѣлеж. В итогѣ всяких уравнительных операций деревня к концу 1918 г. поравнялась на самом низком уровнѣ. Исчезли и кулаки, и хозяйственные мужики. Крѣпкія, многодушныя семьи, естественно имѣвшія излишки скота, инвентаря, пашни, уцѣлѣвшія от уравнительного натиска, постѣвшили прибѣдниться добровольно, раздѣлиться, раздробиться на отдѣльные и хозяйственно болѣе слабые дворы.

Хотя в 1920 г. Ленин, опарашенный итогами слишком уже «живого социализма», хотѣл пойти дальше Столыпина и стал думать, не сдѣлать-ли «старательнаго мужика *центральной фигурой* нашей экономики», участь этого мужика и послѣ того, во время НЭПа, была до крайности жалкой. Мѣста в жизни ему не находилось. Эпигоны не спускали глаз с этой подозрительной, кшащей капиталистическими баццллами, социальной среды. Из этого тѣста, как на дрожжах, мог, по общему признанію коммунистов, подняться кулак и «сбросить пролетарскую власть». Многие из эпигонов (вспоминаю одну бесѣду с покойным Каменевым) никогда даже не видѣли в жизни ни одного кулака в натурѣ и деревню никогда не знали. Они судили о ней только по огороднику дачной мѣстности или по картинкам идеологической «Нивы». Это не мѣшало им больше других кричать о кулацкой опасности. Уже через нѣсколько мѣсяцев послѣ смерти Ленина, XIII-ый съѣзд компартіи, собравшись в маѣ 1924 г., погребая идею о старательном мужикѣ, как «центральной фигурѣ нашей экономики», предостерегающе указывал, что «начавшаяся ликвидация дальноземелья, массовый выход крестьян на участки и отруба, *жажда крестьян к улучшенію хозяйства* приводят к тому, что начинают поднимать голову средніе и зажиточные слои деревни». Подумайте, — какое преступленіе: у крестьян жажда к улучшенію хозяйства! Реакціонно - революціонная душа коммунизма такого факта не могла допустить. Старательнаго мужика с его каждой увеличивать посѣвы хлѣба и стадо скота, расширять избу, обжа-

водиться инвентарем, т. е. увеличивать богатство страны, нужно было хлопнуть по головѣ. Не вылъзай, головы не подымай, держи ее вшивой, покорно склоненной къ землѣ! Стилизируя коммунистическую политику этого времени, Пильняк в своей повѣсти «Красное Дерево» снял с нея злую фотографію.

— «Мужики дѣлились на пятьдесят примѣрно процентов и пятьдесят. Пятьдесят процентов мужиков вставали в три часа утра и ложились спать в одиннадцать вечера и работали у них всѣ, от мала до велика, не покладая рук. Ежели они покупали телку, они десять раз примѣривали, прежде чѣм купить; хворостинку с дороги они тащили в дом. Избы у них были исправны, как и телѣги, скотина сыта и в холѣ, как сами сыты и в трудѣ по уши... Продналоги и прочія повинности они платили государству аккуратно, власти боялись и считались — *врагами революціи*, не болѣе, не менѣе того. Другіе же проценты мужиков имѣли по избѣ, подбитой вѣтром, по тощей коровѣ и по паршивой овцѣ — больше ничего не имѣли. Весною им из города от государства давалась сѣмсеуда; половину сѣмсуды они поѣдали, ибо своего хлѣба не было, другую половину разсѣивали колосъ к колосу, как голос от голоса. У них поэтому ничего не родилось. Они об'ясняли властям недород недостатком навоза от тощих коров и паршивых овец; государство снимало с них продналог и сѣмсеуду и они считались — *друзьями революціи*. Мужики из «врагов» по поводу «друзей» утверждали, что процентов 35 друзей — пьяницы (и тут, конечно, трудно установить — нищета-ли от пьянства, пьянство-ли от нищеты), процентам 5 — не везет («авось» не только выручаетъ), а пятьдесят процентов — бездѣльники, говоруны, философы, лѣнтяи, недотепы. «Врагов» по деревням всемѣрно жали, чтобы превратить их «в друзей», а тѣм самым лишить их возможности платить продналог, избы их превращая в состояніе подбитое вѣтромъ».

Коммунисты, как им и полагается, об'явили очеркъ Пильняка гнусным пасквилом. Однако, он соотвѣтствовал дѣйствительности и вѣрно схватил их *mentalité*. Имѣть крѣпкаго, зажиточнаго, хозяйственнаго мужика, хотя бы от этого город, вся страна только бы выиграли, коммунисты принципиально не хотѣли. «Если бы мужик, этот грач, окрѣп в своем хозяйствѣ-гнѣздѣ, то нам пришлось бы с ним говорить языком пушек, каждое хозяйство довелось бы динамитом взрывать вмѣстѣ с его строителем.

а сейчас оно само рушится и мужика легче повести по тому пути, какой нужен намъ». («Бруски» Панферова). Неистребимое желаніе броситься на мужика (чрез кулака на старательнаго крестьянина), выколотить из него «кулацкую закваску», выбить из него собственность, «как пыль из тюфяка», ни на минуту не оставляло компартію весь період НЭПа. Ея психологія и идеологія не уходила далеко от тамбовских уравниателей 1918 г.

Мы имѣем на этот счет красочное свидѣтельство Сталина на 14 с'ѣздѣ партіи в 1925 г. Плетясь в это время за Рыковым и Бухариним, шедшими против теченія, повторяя вслѣд за ними, что нужно не «разжигать классовую борьбу в деревнѣ», а ее «всячески умѣрять», Сталин говорил:

«Если задать вопрос коммунистам: к чему больше готова партія, к тому, чтобы раздѣть кулака или к тому, чтобы этого не дѣлать, я думаю, что *изъ 100 коммунистов 99 скажут, что партія больше всего подготовлена к лозунгу: бей кулака! Дай только, и мигом раздѣнут кулака!* А вот, что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести болѣе сложную политику, то это дѣло не так легко переваривается».

В № от 6 ноября 1938 г. «Правды», посвященном 21-лѣтію октябрьской революціи, мы могли читать, что геніальность и новизна «колоссальной исторической заслуги» т. Сталина в том, что «старую установку партіи на ограниченіе и вытѣсненіе кулачества он замѣнил установкой на ликвидацію кулачества, как класса». При сопоставленіи с только что приведенной цитатой, становится ясным, что никакой новизны у Сталина не было. Будучи не в силах переварить болѣе сложную политику, он просто развязал старое, престарое погромное желаніе бить кулака. удовлетворяя этим не только коммунистов, но в какой-то мѣрѣ и их духовных предков. Чѣм была ликвидація кулака, связанная с коллективизаціей деревни, — это достаточно извѣстно. Напомню только, что у коллективизаціи было двѣ цѣли. Одна грубо эксплуататорская: выбить из мужика каждое зернышко, сдѣлать из него, согласно теоріи Преображенскаго, плательщика дани, не оплачиваемаго кормильца и поильца «имѣющей быть» построенной социалистической индустріи. Такая цѣль в теченіе двух пятилѣток была осуществлена с огромным успѣхом. На костях, трупах, голодѣ, униженіи крестьян дѣйствительно выросла сѣть заводо-гигантов, вооруженных по послѣднему слову американской и ев-

ропейской техники. Но была и другая цѣль — «душевная», «идеальная», к которой, как к «правдѣ - справедливости», тянулась мысль и коммунистов, и всѣх социалистических предков россійскаго коммунизма, еще до него десятилѣтніями религиозно мечтавших устроить дядю Акима в прочном уравнительном укладѣ жизни на ничьей землѣ. Коммунизм объявил, что он достиг и этой цѣли. Земля нынѣ стала ничьей, общей, — как мы читаем в сталинской конституціи: она принадлежит всему народу. Вторых, и это самое существенное, коллективизація, прибавляясь к націонализаціи земли, уничтожила частную собственность на средства производства. Этим самым, по теоріи, социалистами раздѣляемой, уничтожалась эксплуатация человѣка человеком, гнет, нищета, *самая возможность неравенства*. Коллективизація уничтожила капиталистическія условія въ сельском хозяйствѣ. Значит, в деревнѣ нынѣ не может появиться одіозная фигура кулака, олицетворяющая собою неравенство. В коллективизированной деревнѣ не может быть расчлененія. «Коллективизація раз навсегда положила конец *разслоенію* крестьянства и закрыла путь для возрожденія кулацкаго хозяйства» (акад. Варга).

Вѣрно-ли это? На двадцатом году революціи и десятом году «ликвидации кулачества, как класса» обнаруживается кричащее, разительное противорѣчіе между цѣлями, словами, теоріями, торжественными заявленіями и фактами, жизнью. Сталинская дирекція не останавливалась пред расходами на то, чтобы кулака, в образѣ хозяйственнаго мужика, «уволить от жизни». Послѣ долгой работы топором Сталин, наконец, заявил, что социализм построен, и от кулака и неравенства в деревнѣ и слѣда не осталось. И вот, оказывается, «слѣд Тараса» снова отыскался. Хозяйственный мужик, с его излишками, сирѣчь, тот же кулак, то же неравенство, снова появились. Гоните природу в дверь, она влетит в окно! Но различіе обстановки, начинающей окружать воскресшаго Лазаря, бьет в глаза. Еще совсѣм недавно хозяйственный мужик представлялся «контрой», врагом пролетарскаго народа, охвостьем буржуазіи, позорным остатком, как Атлантида, исчезнувшаго міра. Сейчас «Правда» взяла почти за правило величать кулачков то почтительно, то одобрительно, по имени и отчеству. Она обнаруживает небывалое вниманіе к их жизни. Она, например, сочувственно описывает недѣлю пиршеств, которыми чествовал «Данила Дмитриевич Филоненко» из колхоза «Червоный Степ» пріѣхав-

ших к нему сыновей: старшаго — командира красной арміи и двух младших — народных учителей. «Зарѣзали кабана в 9 пудов вѣсом. На столѣ не переводились куры, мясо, яйца, молоко, варенье, наливки, фрукты, виноградное вино». В какіе тар-тарары был бы ввергнут Данила Дмитріевич, сдѣлай он такой лукуловскій пріем нѣсколько лѣтъ тому назад! Вампир, враг народа! А теперь Данила Дмитріевич, тѣм болѣе, что сын — командир красной арміи, ни от кого не скрывается. Играй музыка! Запасы и излишки сверх *уравнительной линии* у Данилы Дмитріевича очевидно, столь велики, что даже «богатый пріем *нисколько* не отразился на хозяйствѣ Филоненко; на дворѣ еще два кабанчика ходят; есть корова, полный двор птицы». («Правда», 3 сентября 1937 г.).

Запасов и излишков у «Ивана Федоровича Калиты» (фамилія знатная!) из колхоза имени Сталина в Мариупольском уѣздѣ, по-видимому, еще больше, чѣм у Филоненко. Иван Федорович только за 8 мѣсяцев записал на приход: «пшеницы 220 пудов, денег 3060 рублей, сушеных фруктов — 4,5 пудов, меду 6 пуд. 20 фунт., овощей — 45 пудов, кукурузы и подсолнуха по 23 пуда, соломы и т. д. Да с пріусадебнаго сада получил я за продажу фруктов 1500 рублей и около 2000 рублей от продажи молока, масла, яиц. Вѣдь корова, куры есть. Сами всего не сѣдаем». По запасам и богатству Иван Наумович Котенко (Харьковской области) не уступает ни Данилѣ Дмитріевичу, ни Ивану Федоровичу. Из колхоза «имени Косіора» (вывѣска, за ликвидаціей Косіора, теперь, очевидно, измѣнена) он авансом взял «только 140 пудов зерна». Зерна на его долю приходится столько, что некуда складывать. новый сарай еще не готов. «Вот закончу сарайчик, тогда уж все заберу». Хозяйство Ивана Наумовича во всѣх признаках подобно тѣм, что прежде подходили под ранжир зажиточно-кулацких. У Ивана Наумовича «есть корова, теленок, пара свиней, двадцать гусей, нѣсколько десятков кур, — не считал сколько их бѣгает». У него есть «восемь рамочных пчелиных ульев, садик, огород. Овощами на зиму он запасася вдоволь: и буряк, и картофель, и капуста, и огурцы, и соленья, и варенья. В молочных продуктах недостатка нѣтъ. Мясо? Есть *вѣдь* птица и свинья. Сладости? Мнѣ должны были выдать с колхозной пасѣки 8 килограммов меду, да я уступил его своей родственницѣ: у меня вѣдь своя пасѣка есть». Не спѣшит Иван Наумович получить и деньги из колхоза.

На «мелочи разные хватает и из подсобного хозяйства». «Всѣхъ покупок, сдѣланных в нынѣшнем году, Иван Наумович не припомнит. Приобрѣл для дочери пальто за 200 рублей, себѣ полушубок, меньшему сыну — пиджак, старшему — велосипед, туфли, ботинки. Школьника тоже одѣл, обул, книгами снабдил; мануфактуры рублей на двѣсти прибрѣл; купил теплый шерстяной платок для дочери, нѣсколько маленьких платочков. Дуб купил для сарая. На днях заказал коопераціи сапоги и валенки под проданный хлѣб. А там еще куплю, что хорошаго кооперація завезет». («Правда», 6 окт. 1937 г.). Словом, если послушать Ивана Наумовича, Данилу Дмитріевича, Ивана Федоровича, то — «хлѣба у насъ (у них) вволю, но хочется чего то, как говорят, и для души» (ibid). Чего хочет их душа — ни Иван Наумович, ни Иван Федорович корреспондентам «Правды» не повѣдуют, — думаю, что о том можно догадаться, даже не изучив оккультных наук.

Много-ли теперь по СССР таких Иван Наумовичей? Большевики считали, что в 1913 г. на 16 миллионѣв дворов было около 2 миллионѣв, т. е. 12% — типа зажиточно - кулацкаго. В 1928 г., хотя дворов, занимающихся сельским хозяйством, было уже 22.984.000, зажиточных дворов насчитывалось лишь 896.000, т. е. всего только 3,9%. Уменьшеніе огромное и понятное, вѣдь зажиточныя хозяйства приносились в жертву неударжимому, как рок, желанію насильственно водрузить уравнительность, пароксизм которой достиг послѣдняго мыслимаго градуса в 1929-1932 г. Сколько нынѣ хозяйств зажиточнаго типа — на этот счет не полагаю никакими цифрами, но суть сейчас не в числѣ, а в обстановкѣ, начинающей окружать болѣе или менѣе зажиточныя хозяйства. Новизна нынѣшней социальной ситуаци в том, что, в отличіе от прошлаго, пред Иванами Наумовичами открывается или, выражаясь болѣе осторожно, пріоткрывается перспектива упрочиться и умножиться по той простой причинѣ, что «уравниловка» и в городѣ, и в деревнѣ — признана «глупой и вредной лѣвацкой мелкобуржуазной выдумкой». Покорнѣйше благодарим! — может сказать на это зарождающаяся в Россіи, в новых условиях, мелкая буржуазія, хотя этим мы не хотим сказать, что исключены припадки delirium tremens уравнительности.

Будем-ли мы по этому поводу проливать, вмѣстѣ с Андрѣ Жидом и К-о, крупныя, как бѣлая смородина, слезы, предаваясь горе-

стным думам о крушеніи «*debordant amour des hommes*», — крушеніи равенства, обуржуазиваніи Россіи? Я не буду. Экономическое равенство не достигается простым раздѣваніем кулака и хозяйственного мужика. Тогда пришлось бы смотрѣть на пожар, как на «величайшій революціонный акт, нивелирующий собственность*»). Политическое равенство, сюрфраж юниверсель, можно получить и послѣ стрѣльбы из пулеметов. Но экономическое равенство — нѣчто безконечно болѣе сложное и трудное. Оно не падает в руки, как спѣлая груша, когда хорошенько потрясут дерево за ствол. Полное экономическое равенство — далекій, пока туманный, фінал долгаго историческаго, культурнаго развитія, в условіях роста производительных сил міра, непрекращающагося прогресса техники, роста производительности общественнаго труда, на фонѣ лучшей организаціи общества и постепеннаго, лучшаго распредѣленія увеличивающагося народнаго дохода. Экономическое равенство к тому же может быть лишь ориентировкой на достигнутый высшій уровень жизни. Тогда как в Россіи уравниловка вѣками мистически тянула *как раз к обратному*, к равенію на низшій уровень. На монаха, божьяго человѣка, голаго человѣка на голой землѣ, на бѣдняка, на владѣльца паршивой овцы и подбитой вѣтром избы. Присутствіе этой исторической черты в русской жизни и позволило Петру Никитычу Ткачеву свысока поучать в 1874 г. Ф. Энгельса, что русскій народ «если можно так выразиться, *коммунист по инстинкту, по традиціи*», что он «стоит гораздо ближе к социализму, чѣм народы Запада» и потому «осуществленіе социальной революціи не встрѣчает в Россіи *никаких* препятствій».

Мы указали на повышенное благосостояніе Ивана Наумовича и Ивана Федоровича. Да правда-ли это? Совѣтская пресса, конечно, лжива до мозга костей, но в данном случаѣ не вижу основаній ей особенно не довѣрять. В потребительских бюджетах Иван Наумовичей ничего сверх-ординарнаго нѣт. В большинствѣ своем это только бюджеты, у иных даже сниженные, небольших кулачков довоеннаго времени и времени НЭПА. Уровень и уклад жизни таких крестьян неизмѣримо ниже средняго уровня крестьянства Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Швеціи, Голландіи, Германіи, не говоря уже о фермерах Канады или Соединенных Штатов. Признаков «догона и перегона» здѣсь не замѣчается. Но

*) Слова Герцена.

(и это уже важно) Иван Наумовичи по своему потреблению, покупкам, накопленным запасам, на цѣлую голову, если только не на нѣсколько голов, стоят выше средняго жизненнаго уровня совѣтскаго крестьянства, и средняго уровня рабочих и мелких служащих. Нельзя при том не отмѣтить, что доход нѣкоторых деревенских нуворишей достигает даже весьма почтенных цифр. Средній заработок рабочих и служащих нѣсколько выше 3000 руб. в год, а вот в «Ак-Алтын», в одном из колхозов - миллионщиков Средней Азии, Измаил Русалев заработал в год 35.000 руб., а бригадир Абдугани Джалилов — 42.000 руб. («Правда», 1/1 1938 г.). Считая совѣтскій рубль за довоенный пятак — это 2100 золотых рублей. Заработок уже не довоеннаго кулака, а сверхкулацкій; по исчислению податных инспекторов и казенных палат, в 1910 г. на всю страну с 160 миллионным населением было тогда всего-навсего 299.200 чел. с доходом свыше 2.000 руб. в год. Тут совѣтская дѣйствительность большущим и тяжеловѣсным молотком стучает по головѣ тѣх, кто вѣрил и по сей день проповѣдует, что организація коллективнаго хозяйства, уничтоженіе частной собственности на средства производства обладает способностью немедленно уничтожить неравенство, разслоеніе общества на различныя классовыя группы с различным уровнем жизни и потребленія. Появленіе Абдугани Джалилова — внушительное опроверженіе. Но вдаваться в размышленіе по этому поводу даже в хорошем интернациональном обществѣ и по сей день не принято.

Причины неминуемаго возникновенія новаго неравенства и, несмотря на коллективную собственность, развивающагося новаго разслоенія — ясны как Божій день. Несмотря на поравненіе, двести сорок тысяч колхозов не находятся и не могут находиться в равных экономических условіях. Климатическія, географическія, геологическія «несправедливости» несправимы. У одних колхозов земли больше, у других меньше. Качество земли различно. Урожайность различна. Посѣвныя культуры различны. Количество скота различно. Количество рабочих рук различно. Разстояніе от городов и крупных рынков сбыта различно. Энергія хозяйствующих суб'ектов различна. «Ударники» - крестьяне (вопрос воли, силы, здоровья, терпѣнья, ловкости, потребностей, самолюбія, большей интеллигентности, всяких других условій) имѣют в два-три раза больше выработанных трудодней и получают в три и

больше раз больше других материальных благ. Такой результат неизбежен послѣ того, как из колхозов изгнана «лѣвацкая» — а на самом дѣлѣ наша старорусская общинная уравниловка, предлагавшая продукцію дѣлить не по количеству и качеству вложеннаго в нее труда, а независимо от того, по «ѣдоцкому принципу» — по ѣдокам.

К неравенству жизни и разных условий 240 тысяч колхозов прибавляется, во много раз его увеличивающее, неравенство от различнаго веденія 18 миллионнх огородов и приусадебных участков, находящихся в личном пользованіи крестьян. А как ни работал топор Сталина, этот отрастающій хвост исчезнувшей крестьянской собственности он отрубить все же не смог. Мы видѣли, что у Даниила Дмитриевича Филоненко, даже послѣ того, как он скушал, вкупѣ со своими сыновьями, «9-ти пудоваго кабана», «на дворѣ еще два кабанчика ходят». А вот в других хозяйствах кабанчиков нѣтъ. Перепись скота в январѣ 1938 г. обнаружила, что 30% колхозных дворов ни кабана, ни свиньи не имѣет. Иван Федорович Калита получил 1500 рублей от продажи фруктов из сада. Другіе крестьяне фруктовых деревьев не имѣют. От своей коровы и кур он смог продать на 2000 рублей молока, масла, яиц. Коровы Ивана Федоровича по величинѣ удоя, надо полагать, в 2½-3 раза превышает «средній удой» совѣтских коров. Иначе, не лишая себя молока, — а Иван Федорович говорит «сами всего не с'ѣдаем» — он такую выручку за молоко имѣть бы не мог. Но, вѣдь — опять ссылаюсь на перепись скота 1938 г., — 29% колхозных дворов не только коровы с «средним удоєм», но вообще коровы не имѣют. (В 1927 г. по РСФСР и Украинѣ было только 19% безкоровных дворов, в Бѣлоруссіи 6%). Возможно, что через нѣсколько лѣтъ у всѣх будет корова, но за эти годы, тѣ, кто ее уже имѣют, будут жить зажиточнѣе и уйдут вперед. Наконец, мало еще имѣть скот, огород, приусадебный участок. Их цѣнность зависит от качества хозяина. Хозяйственный мужик во-время отдаст замуж свою телку. У «недетепы» и «философа» она ходит бесплодной, непорочной невѣстой. У хозяйственной бабы куры начинают нестись раньше и больше; она вычистила, освѣттила и отоплила курятник. У небрежной хозяйки онѣдохнут от дезинтегри. Хозяйственный мужик, когда поросится свинья, ночь проводит в хлѣбѣ — свинья-матка не давит у него новорожденных. Лѣнивый хозяин в это время спит, а утром видит, что из 10 новорож-

денных поросят живых осталось 4. Сельское хозяйство — не монотонная механическая работа на конвейерѣ завода. Его веденіе въ громадѣйшей степени зависит от ухватки, расторопности, предприимчивости хозяйствующаго суб'екта, хотя это и противорѣчит материалистической теоріи тургеневскаго Базарова, по которому различій вообще нѣтъ у людей: всѣ одинаковы — «достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить о всѣх других — у каждаго мозг, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены».

Нам не нужно вдаваться в дальнѣйшія доказательства — почему появленіе въ коллективизированной деревнѣ новаго «кулака» оказалось неизбѣжным и почему самый образ «кулака», преданный въковому позору и поношенію, оказался в концѣ коммунистическаго эксперимента, въ сущности говоря, *реабилитированным*. Когда, послѣ долгаго ношенія запыленных «идеологических» очков, удастся от них избавиться, окружающее становится намного болѣе ясным. Необходимо все же отвѣтить тѣм, кто будут протестовать против наименованія Ивана Наумовича и Ивана Федоровича новыми кулаками: «Это не кулаки. Кулак жил, как паук, эксплуатацией других. Нынѣшній же зажиточный крестьянин никого не эксплуатирует. Его зажиточность, как и городского стахановца, не от эксплуатации других, а от собственнаго усердія, так сказать, *самоэксплуатации*». Возраженіе плохо стоит на ногах. Наивно представлять себѣ довоеннаго, нэповскаго и вообще всякаго кулака только каким-то пауком, питающимся кровью эксплуатируемых. Это агитка для самых темных слоев. Секрет кулацкаго уровня жизни (рекомендую перечитать неумирающій труд «Мужики» польскаго романиста Рэймонта) заключался в том, что он был результатом непрерывной, тяжелой работы, с ранняго утра до поздняго вечера, и подборанія в хозяйство малѣйшей хворостинки, лежащей на дорогѣ. Кулак — тот-же ударник. Только без стахановскаго блеффа и без фиміама социалистической прессы. Он начинал с труда, а «эксплуататором», присвоителем «прибавочной стоимости», становился позднѣе, когда, кое-что накопив и расширив хозяйство, убѣждался, что своими силами и силами своей семьи он с ним справиться не может. Нынѣшніе Иван-Наумовичи до этого пункта еще не дошли, но отсюда не слѣдует, что им чужда идея и практика эксплуатации чужой рабочей силы. В постановленіи Совѣта Народных Комиссаров от 19

апрѣля 1938 г. черным по бѣлому написано, что «*правленія колхозов затрачивают значительныя средства деньгами и натурой на наем рабочей силы извнѣ*». Послѣ этого излишне говорить, что на непорочном заработкѣ нынѣшних замѣстителей кулачков и кудаков нѣтъ ни пятнышка, ни крупинки от эксплуатаціи чужой рабочей силы. Рабочую силу нанимают (по марксизму — эксплуатируют) и плохо работающіе колхозы и, кажется еще больше, хорошо ведущіеся колхозы. Имѣя большое поле, разнообразныя культуры, они для своевременнаго сбора урожая не останавливаются предъ значительнымъ привлеченіемъ к себѣ на работу бѣдныхъ сосѣдей. Экономически они поступают неоспоримо правильно, только гдѣ тогда принципиальное отличіе отъ прежнихъ кулацкихъ хозяйствъ? Вдобавок, какой смыслъ в советскомъ постоянномъ повтореніи, что нынѣшніе Иваны Наумовичи не эксплуатируютъ Петровъ и Спиридоновъ. Это только дымовая завѣса. Декларация имѣла бы смыслъ, если бы можно было одновременно констатировать, что, вмѣстѣ с колхознымъ устройствомъ Иван-Наумовичей, исчезла вообще послѣдняя область, гдѣ имѣла мѣсто эксплуатація человѣка человѣкомъ. Фактически-же перемѣстился лишь рычагъ эксплуатаціи и там, гдѣ прежде на него нажимал кулак, нынѣ еще сильнее на всѣхъ крестьянскихъ Ивановъ, Петровъ и Спиридоновъ нажимаетъ Молохъ — тоталитарное государство. Кто же не знает, что сталинизированный представитель государства

Брут или Фабрицій

Мужиков под пресс кладет

Вмѣстѣ с свекловицей.

Второе указаніе. Фигура кулака, зажиточнаго мужика, была ненавистна и одіозна для русскаго общественнаго и особенно революціоннаго сознанія больше всего и прежде всего тѣмъ, что онъ, с его домом, хозяйством, запасами, одеждой, потребленіем, покупками, олицетворялъ собою *явное неравенство на фонѣ поравненной в бѣдности деревни*. В этомъ смыслѣ Иван Наумовичъ, тѣмъ болѣе Джакиловъ с его 42 тысячнымъ заработкомъ, ровно ничѣмъ не отличается отъ прежняго кулака. Можно сколько угодно заниматься казуистикой на тему «почему и отчего», этимъ не устраняется тотъ фактъ, что на одномъ флангѣ стоятъ «колхозы - милліонщики» с большими доходами, а на другомъ флангѣ — колхозы, гдѣ, какъ в Ивановской области, выдаютъ на трудодень канареечный паекъ в 0,2 килограмма зерна и 29 копеекъ - советскихъ денег. От этого не

исчезает тот факт, что Иван Наумович имѣет на своемъ столѣ мясо, масло, молоко, соленья и варенья, тогда какъ другіе крестьяне, миллионы рабочихъ, мелкихъ служащихъ этого не имѣютъ.

«Правда» (6 ноября 1938 г.) пишетъ, что «за послѣднее время шампанскія вина (Абрау-Дюрсо) получили распространеніе не только в городахъ, но и селахъ!» Не знаю, сколько сейчасъ стоитъ бутылка Абрау-Дюрсо*), однако, допускаю, что, когда къ Данилѣ Дмитріевичу Филоненко пріѣзжаютъ в гости сыновья, онъ, пожертвовавъ курицей или двумя и нѣсколькими десятками яицъ, — можетъ для дорогихъ гостей купить бутылку шампанскаго. У него «полный дворъ птицы», но у другихъ-то куриного, гусиного и утиного царства нѣтъ. «Стахановецъ - забойщикъ мастера угля Иванъ Яковлевичъ Новиковъ, выполнившій заданіе на 436% и заработавшій в мѣсяцъ 2474 рубля» («Правда», 6 ноября), тоже, какъ и Данила Дмитріевичъ, можетъ доставить себѣ полное удовольствіе и раскупорить бутылку шампанскаго. Но вѣдь заработокъ Новикова в 8 разъ превышаетъ средній заработокъ рабочихъ тяжелой индустріи и в 12 разъ средній заработокъ в лѣсной, пищевой, легкой индустріи, в первомъ кварталѣ 1938 г. соответственно равнявшіеся только 207, 213, 210 рублямъ. Та же «Правда» (11 ноября) сообщаетъ, что в Ташкентѣ в магазинѣ «Ювелирторга» появились колхозники, «пріобрѣтающіе часы, золотыя серьги, кольца, рассыпной жемчугъ для вышивки». Не знаю, сколько стоятъ пара золотыхъ серегъ, но опять-таки могу допустить, что живущій *какъ разъ в этомъ районѣ* колхозникъ Джалиловъ из своего дохода в 42 т. рубл. можетъ выдѣлить тысячи двѣ, а, можетъ, быть, и три, на золотыя серьги женѣ. Заключать отсюда, что Россія стала такъ богата, что деревня скупаетъ золото и пьетъ шампанское, могутъ или стопроцентныя, мягко выражаясь, слѣпцы или международныя жуликоватыя стряпчие, которые, посидѣвъ недѣльку в «Метрополѣ» в Москвѣ, оттуда пріѣзжаютъ в Парижъ, произносятъ рѣчи о неслыханномъ благоденствіи под Сталинымъ совѣтскаго народа.

Если покупка шампанскаго и золотыхъ серегъ в деревнѣ имѣетъ мѣсто, то это говоритъ больше всего о томъ, что деревня опять и ускоренно *разливается*. На новой базѣ вырастаетъ новое и огромное неравенство. Оно ползетъ плѣшью по російскому пространству вслѣдъ за колхозами - миллионщиками, а внутри плѣши распро-

*) Она стоитъ 35 рублей, какъ сообщаютъ недавно пріѣхавшіе из СССР французы.

страняется в видъ шахматной доски. Попытки запорошить, запудрить явное неравенство разными маленькими истасканными словечками могут вызвать только усмѣшку. Посмотрите в лицо цифр. Годовая заработная плата всего персонала государственнаго хозяйства была в 1937 г., как уже сказано, в среднем немногим больше 3000 рублей. У 26 миллионных рабочих и служащих заработная плата, в совокупности, составляла 82 миллиарда рублей. Заработок Ивана Яковлевича Новикова среди 160 миллионнаго населенія могут имѣть вряд-ли больше, чѣм полтора процента. Заработок колхозника Джалилова, разумѣется, гораздо меньшее число. Из нынѣшняго національнаго дохода, національнаго продукта, такой заработок для всѣх выкроить физически невозможно. В національном продуктѣ для него нѣтъ покрытія. Чтобы всѣ служащіе и рабочіе могли приблизиться к заработку Новикова (2.471 рублей в мѣсяц), было бы нужно подлежащую им в выдачѣ заработную плату с 82 миллиардов поднять до 668 миллиардов рублей. А чтобы им дойти до годового заработка Джалилова (42 тысячи рублей), общую заработную плату нужно было бы повысить до 1.092 миллиардов рубл. что, вѣроятно, могло бы имѣть мѣсто при условіи, что народный доход СССР увеличится минимум на 1000%. Через сколько десятков и десятков лѣт — эта цѣль будет, если только будет, достигнута? Слѣдовательно, пока этого не будет, останется и неизбежно *разовьется неравенство*. Долго сдерживаемое искусственными поравнительными операціями, оно прорывается наружу, как бы стремясь наверстать потерянное время. Квалифицированные и особо преуспѣвающіе верхи рабочих, высшая гражданская, хозяйственная, военная администрація, Иван-Наумовичи, явственно образуют уже нынѣ корпус из «знатных людей», «орденоносцев», «соли земли», как стала именоваться «Правда» совѣтскую интеллигенцію. И это ядро будет расширяться и существовать в «соціалистической природѣ» рядом с десятками миллионных людей с низким и, во всяком случаѣ, с доходом неизмѣримо болѣе низким, чѣм у Джалилова. По этой причинѣ нужно перестать, как попугаи, твердить о безклассовом обществѣ, об уничтоженіи признаков экономическаго неравенства в том религіозно принятом, но совершенно непродуманном смыслѣ, какой обычно придается данной формулѣ не только в Россіи, но и в Европѣ. Политическое равенство не дает еще экономическаго равенства; но экономическаго поравненія, вопреки

заученным лозунгам, не могут принести ни «реформы структуры», ни экспроприации капиталистов, ни самая широкая социализация и коллективизация. Равенство экономическое, повторяю, — достижимо лишь на каком-то весьма от нас далеком «конечном пунктѣ» долгаго развития общества и при очень высоком уровнѣ его производительных сил. «Конечная дѣль — ничто, движеніе же к ней — все». (Э. Бернштейн). Если-же люди, как Хохол в «Матери» Горькаго, все-таки хотят немедленно «всѣх поравнять в ряд» и ввести полное экономическое равенство, им нужно снова и снова — в Россіи в который раз! — взяться за расширенную «уровниловку» и, разрушая дѣлая невозможным хозяйство, сажая всѣх на уравнительный паек по карточкам, ликвидировать «как класс» народившихся Новиковых, Джалиловых и т. д.

Мыслим-ли такой рецидив? Припадки уравнительности не только не исключены, а теоретически говоря, даже обязательны, пока идеология правящаго ядра словесно все еще сидит на лозунгахъ, с которыми когда-то коммунизм родился и вел низы на штурм верхов: «вставай, подымайся рабочий народ», «классе против класса», «на бой кровавый» и т. д. Как раз сейчас Сталин, почва под которым шатается и колеблется, стремится изо всѣх сил оживить опавшіе листья Октября, собрав их в Коран в видѣ только что изданной и грубо фальсифицированной «Исторіи ВКП(б)». Она, однако, звучит как акафист. Штурмовые лозунги не по политическому климату страны и не по нарождающемуся климату социальному. Они могут лишь быть предметом коминтерновскаго экспорта за-границу. В самом дѣль, что может сейчас означать: вставай, подымайся рабочий народ? Против кого? Грабь награбленное! У кого? На бой кровавый! С кѣм? Слова, слова, слова! Они дѣйствуют на нервы Сталина, грозят властям преержащим и установленному строю. Такіе лозунги неприемлемы для власти ни сейчас, ни в послѣсталинское время. А это свидѣтельство, что коммунистическая идеология с ея основными идеями-силами выродилась, вывѣтрилась и испепелилась, превращаясь лишь в своеобразный продукт моральнаго гніенія диктатуры. Она не ко двору. Истребленіе Сталиным старых коммунистов — оборотная сторона ускоряющагося процесса исторической ликвидации и самоликвидации коммунизма.

Густая фата из лживых слов, мертвых формул, отпѣвших лозунгов не может скрыть трансформирующагося подлиннаго лица

страны. Глядя на него без идеологических очков, не трудно усмотреть, что верхи рабочих, с их очень дѣлческой или дѣловой и прозаической психологіей, не хотят никакой коммунистической уравниловки. Еще меньше она по душѣ «соли совѣтской земли» — нынѣшней интеллигенціи, высшим служащим, бюрократіи. Абсолютно мертво требованіе Ленина в 1917 году, чтобы никто не имѣл заработка выше средней платы рабочих. Мертв и другой его принцип, чтобы государством и хозяйством на всѣх постах по очереди управляли простые рабочіе и «каждая кухарка». Не на низы, не на миллионы плохооплачиваемых рабочих и служащих, а на верхи квалифицированных рабочих, на высших служащих, на специалистов хочет, может, принуждена нынѣ опираться власть — сегодняшняя, как и завтрашняя. Уравниловки совсѣм не хотят Иваны Федоровичи и Иваны Наумовичи. А на них, но не на бѣднаго колхозника из подбитой вѣтром избы, хочет, может и принуждена опираться и нынѣшняя власть, и та, что смѣнит Сталина. Сквозь экран всю страну заслонившей тоталитарной диктатуры начинают проступать — не смутное, туманное поравненіе, о котором мечтали встарь, не бакунинско - толстовско - ленинская безгосударственность в условіях коллективизированной собственности, а нѣкоторыя черты государства, управляемаго пришедшими на смѣну капиталистов и помѣщиков новыми социальными слоями в лицѣ «знатных людей», верхов рабочих, соли-земли — интеллигенціи, новых администраторов, командиров арміи и зажиточных групп крестьянства. Как бы ее ни подправляли, официальная идеологія диктатуры вступила в тягчайшее противорѣчіе с «рѣкой жизни», с экономикой, интересами и психологіей, выпестованными в лонѣ коллективизаціи и социализаціи, на базѣ этой экономики постепенно консолидирующимися социальными группами. Среди послѣдних удѣльный вѣс зажиточных крестьян будет непрестанно увеличиваться и наступит момент, когда они открыто скажут, чего-же им хочется «и для души». Не слѣдует упускать из виду, что нынѣшніе замѣстители кулаков (употребляю термин отнюдь не в уничижительном смыслѣ) совсѣм не так просты, как довоенные. Корни и вѣтви от них начинают ползти во всѣ стороны. У них сыновья — командиры красной арміи, инженеры, агрономы, администраторы, учителя. И не потому сын его командир красной арміи или агроном, что у Иван Наумовича двор «полон всякой птицы», а часто как раз наоборот. На дворѣ

появляются кабанчики, корова, овцы, птица, заводится одежда, обувь, кое-какое накопление потому, что у Иван Наумовича сын — агроном, доктор, или командир красной армии. Здесь несомненно есть нѣкая социальная взаимозависимость...

Общественное и экономическое развитие работает на то, чтобы, послѣ устранения Сталина или его одновитного преемника, опереть государственную власть на коалицію, на комплекс социальных групп, выше очерченных, среди которых особенно будет слышен голос крестьянства. Не вижу других возможных политических комбинацій. В послѣсталинское время будет не «приход пролетариата к власти», а именно это. И эта власть обязательно и в значительной пропорціи перестроит, передѣляет воздвигнутое тюремное здание тоталитарного социализма, оставляя, однако, обобщественными важнѣйшія отрасли хозяйства. Власть, не имѣющая ничего общего с принципом «господства» и власти пролетариата, — не скрутит ли она трудовые низы, не будет ли она открыто фашистской? Странный вопрос. Как будто строй Сталина не есть фашистскій? Как будто можно скручивать низы больше, тѣм сейчас? Вмеѣстѣ с тѣм не подлежит сомнѣнію, что, если бы при новой власти низы захотѣли еще и еще раз повторить, социальную поравнительную революцію, они будут раздавлены тягчайшим образом. Второго Октября в Россіи больше уже не будет, хотя временная и крайне опасная для цѣлости всего государства анархія не исключена. Впрочем, зачѣм сосредоточивать вниманіе только на такой перспективѣ? Есть и другая. Страна освобождается от мѣзмов коммунистическаго гнѣнія, начинает потихоньку выздоравливать, демократизироваться, и при новом составѣ власти, в ней, на базѣ роста народнаго дохода, совершается увѣренное, но постепенное, растянутое на многія десятилѣтія, движеніе к болѣе полному экономическому равенству не путем російской уравниловки, экономическаго реакціоннаго поравненія *вниз*, а прогрессивнаго подтягиванія жизни всѣх слоев *вверх*. Не под этим-ли знаком, при всем различіи форм и скорости, идет социальное - экономическій процесс в передовых странах Европы и Америки?

Е. Юрьевскій